

А. В. Чудинов*

НАКАНУНЕ «СМЕНЫ ВЕХ» СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В НАЧАЛЕ 1980-х гг.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ АВТОРЫ уже не раз писали о таком важном событии современной историографии, как произошедший в 1980-е – 1990-е гг. радикальный демонтаж канонической советской (или по самоопределению ее сторонников – «марксистско-ленинской») трактовки Французской революции XVIII в.¹ То, что тогда случилось, сегодня нередко именуют в исторической литературе «сменой вех», по названию одной из статей автора этих строк². Дав когда-то своему тексту такой заголовок, я и не предполагал, что образ придется по вкусу российским и французским коллегами в качестве имени нарицательного³. Возможно, он и в самом деле достаточно точно характеризует те поразительные перемены, которые за относительно короткий срок пережила данная отрасль отечественной историографии. А происшедшее, действительно, не может не поражать...

Уже сама по себе скорость, с которой произошли указанные перемены, вызывает удивление и заставляет задуматься о причинах столь стремительного крушения марксистско-ленинской интерпретации в одной из наиболее идеологически значимых и приоритетных отраслей советской исторической науки. Все-таки перемены в историографии, в отличие от политики, происходят не слишком быстро. Если для смены политического строя может хватить считанных месяцев, то на смену историографических парадигм обычно уходят десятилетия: новые эпистемологические ценности и методологический инструментарий усваиваются и осваиваются на протяжении достаточно продолжительного времени, еще годы нужны на создание исследований в рамках новой парадигмы и, наконец, еще немало воды утечет, пока новое возобладает над старым. «Смена вех» же произошла менее чем за одно десятилетие: так, в 1986 г. появилась монография

---

* Чудинов Александр Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва).

¹ См., например: *Адо А. В.* Письмо профессору Шен Ченсиню // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, история.* 1996. № 5; *Чудинов А. В.* Прощание с эпохой (размышления над книгой В. Г. Ревуненкова) // *ВИ.* 1998. № 7; *Бовыкин Д. Ю.* О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемические заметки) // *Новая и новейшая история.* 2007. № 1.

² См.: *Чудинов А. В.* Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // *Французский ежегодник. 2000. 200 лет Французской революции 1789–1799 гг.: итоги юбилея.* М., 2000.

³ См., например: *Гордон А. В.* Великая французская революция в ретроспективе 1917 года. Становление советской историографии // *Одиссей. Человек в истории.* 2004. М., 2004. С. 253; *Dorigny M.* Avant propos // *Les Historiens russes et la Révolution française après le Communisme / Étude révolutionnaires.* № 5. P., 2003. P. 8; *Mazauric Cl.* Histoire de la Révolution française // *L'Humanité.* 2004. 7 avril. Правда, не будучи знаком с российскими историческими коннотациями образа «смены вех», французский исследователь Клод Мазорик приписал его происхождение «несколько циничному юмору Александра Чудинова».

Л. А. Пименовой⁴ – пожалуй, первое крупное исследование отечественного историка, решительным образом поставившее под сомнение советский канон объяснения Французской революции, а уже в 1995 г. А. В. Адо уверенно констатировал, что «советская историография Французской революции завершила свое существование»⁵.

Удивляет и то, сколь легко осуществилась эта «смена вех», не вызвавшая никакой научной дискуссии между сторонниками новой и старой интерпретаций. Более того, у последней в России вообще не нашлось защитников среди практикующих историков Французской революции. Выступления же профессора В. П. Смирнова⁶ в защиту марксистско-ленинской трактовки данной темы – специалиста, безусловно, авторитетного в сфере новейшей истории Франции, но собственно историей Революции никогда не занимавшегося – носят, как показал недавно Д. Ю. Бовыкин, все же скорее абстрактно-ностальгический, нежели конкретно-исторический характер⁷.

Иными словами, в первом приближении «смена вех» может показаться неким необъяснимым феноменом, сродни неожиданной геологической катастрофе: от монолитного «материка» советской историографии вдруг без сколько-нибудь значительных потрясений откололась довольно значительная часть и прямо на наших глазах ушла в небытие, подобно мифической Атлантиде.

Попытка найти объяснение происшедшему исключительно в политических катаклизмах второй половины 1980-х – начала 1990-х гг., как это делает В. П. Смирнов⁸, выглядит, на мой взгляд, не слишком убедительной. Разумеется, ослабление, а затем и полное исчезновение в тот период идеологического пресса Коммунистической партии и государства способствовало свободному обсуждению научных проблем и ускорило происходившие в историографии процессы, однако те начались все же несколько раньше эпохи Перестройки и Гласности. Так, в основу уже упомянутой выше монографии Л. А. Пименовой легла кандидатская диссертация, защищенная еще в 1984 г.

Не была «смена вех» напрямую связана и с развернувшимися в 1980-е гг. празднованиями 200-летия Французской революции. Конечно, многочисленные юбилейные мероприятия по случаю этой круглой даты существенно активизировали научную жизнь в данной области историографии, но сами по себе ее содержания не определяли.

Чтобы понять причины столь быстрого и безболезненного течения «смены вех», думаю, есть смысл обратиться к самому началу 1980-х годов и выяснить, в каком состоянии находилась советская историография Французской революции накануне перемен. Во многом, думаю, нам здесь помогут публикуемые ниже материалы.

Это пять документов, хранящиеся ныне в архиве Центра по изучению XVIII века Института всеобщей истории РАН, представляют собою ряд переданных когда-то Группе по истории Французской революции (структурное подразделение ИВИ в 1984–1987 гг.) фрагментов официальной переписки академического и

⁴ Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986.

⁵ Адо А. В. Указ. соч. С. 32.

⁶ См.: «Круглый стол» Французская революция XVIII века и буржуазия (доклад и заключительное слово) // Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 93–96; Смирнов В. П. Две жизни одного издания // Там же. № 3.

⁷ Бовыкин Д. Ю. Указ. соч.

⁸ Smirnov V. Les recherches récentes sur la Révolution française en Russie // Les Historiens russes et la Révolution française après le Communisme. P., 2003. P. 10.

партийного начальства за 1981–1983 гг. относительно организации программы научных мероприятий к 200-летию Французской революции.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с указанными источниками, – это высочайшее идеологическое значение, придаваемое в СССР истории Французской революции. Необходимость активизации исследовательской работы по данной тематике мотивируется исключительно потребностями «эффективного участия» в идеологической борьбе «и без того острой», но обещающей еще больше ожесточиться в связи с предстоящим 200-летним юбилеем Революции. Причем, собственно историографические дискуссии об этом событии отходят для участников переписки на второй план по сравнению с тем, как во Франции оценивают Революцию представители различных политических сил. В итоге складывалась предельно драматичная, но достаточно далекая от реальности картина историографического ландшафта...

В данной связи весьма показательным является письмо Ю. И. Рубинского к С. В. Червоненко (док. 5). Профессиональный и высококвалифицированный историк, не один год проживший во Франции, Юрий Ильич Рубинский едва ли не знал о шедшей тогда во французской историографии бурной полемике между сторонниками «классической» историографии Революции (к коим принадлежали и марксисты) и приверженцами «критического» («ревизионистского») направления⁹. Тем более, что и для советских историков «ревизионисты» были основным объектом жесткой критики¹⁰. Но в данном контексте автор письма выступает в качестве не историка, а дипломатического чиновника – советника посольства. К тому же, обращается он к представителю политического руководства страны – заведующему отделом ЦК КПСС. Соответственно, чтобы подчеркнуть идеологическую и политическую важность предстоящего юбилея, автор письма стремится охватить в своем обзоре предельно широкий спектр оценок Революции, звучавших тогда во Франции, однако не дифференцирует их по реальной значимости. В результате, происходит полное смещение акцентов: на фоне «старого роялиста Мольнье» и «шираковцев» лидеры «критической» историографии Революции, действительно, выглядят всего лишь «умеренным крылом левой университетской интеллигенции», то есть в рамках политики союза левых сил едва ли не потенциальными попутчиками коммунистов. Соответственно при таком подходе центр тяжести в дискуссии о Революции переносится с оси «классическое» направление – «ревизионисты» на ось «правые» – «левые». Однако, в действительности, реальную опасность для марксистской историографии Революции и, соответственно, для марксистского видения истории в целом, представляли тогда не публицистические выступления «старого роялиста» или политиков-«шираковцев», мало что значившие в научном плане, а именно работы Ф. Фюре, М. Озуф и других исследователей, принадлежавших к «критическому» направлению историографии, которые, в конечном счете, и подорвали основы марксистского толкования Французской революции. То есть идеологическая «оптика» не только не облегчала восприятие действительности, но и откровенно искажала его.

Другая особенность положения советской историографии Французской революции, ярко проявившаяся в указанных источниках, – явное несоответствие

⁹ Подробнее см.: *Блуменау С. Ф.* «Ревизионистское» направление в современной французской историографии Великой буржуазной революции конца XVIII в. Брянск, 1992; *Он же.* От социально-экономической истории к проблематике массового сознания: Французская историография революции конца XVIII в. (1945–1993 гг.). Брянск, 1995.

¹⁰ Подробнее см.: *Чудинов А. В.* Французская революция: история и мифы. М., 2007. Ч. 2. Гл. 1.

между полученным историками социальным (идеологическим) запросом и их научными возможностями.

Уже открывающее данную публикацию письмо заведующего сектором новой истории ИВИ Е. Б. Черняка директору Института З. В. Удальцовой (док. 1) в полной мере отмечено подобным противоречием. С одной стороны, Ефим Борисович как опытный администратор стремится подать «товар» лицом и обещает руководству института обеспечить «серьезный вклад» в разработку столь важной, с идеологической и политической точек зрения, тематики в виде ряда соответствующих «фундаментальных исследований». Особое значение придается коллективному труду «Великая французская революция и Европа», которым предполагается «дать достаточно обоснованный ответ на вопросы, выдвигаемые в центр идеологической борьбы в новейшей историографии (проблема буржуазного характера революций нового времени, последствий революции для страны, где она происходила, и для истории европейского континента в целом и др.)», или, иными словами, решить все наиболее дискуссионные в мировой историографии того времени проблемы истории Революции. И хотя стороннему наблюдателю подобное обещание может показаться, мягко говоря, излишне оптимистичным, оно вполне вписывается в правила административной игры – превозносить качество будущего «товара», чтобы начинать с максимально сильных позиций «торг» с дирекцией за дополнительный листаж изданий (который тогда жестко лимитировался), зарубежные командировки для сотрудников (если не во Францию, то хотя бы в ГДР, Чехословакию и Венгрию) и прочие научные блага, которые каждому академическому руководителю приходилось «выбивать» для своего структурного подразделения. И здесь для набивания «цены» обещанному труду активное превозношение его идеологической значимости оказывалось отнюдь не лишним.

С другой стороны, такой осторожный начальник, как Е. Б. Черняк (говорю об этом без малейшей иронии, опираясь на собственный опыт многолетнего общения с ним), никогда не стал бы давать столь далеко идущих обещаний, не имея хоть каких-то гарантий возможности их реализовать. Такой гарантией, по видимому, должны были стать уже имевшиеся у сектора наработки по ряду проектов, которые ранее осуществлялись в Институте, но по тем или иным причинам не были доведены до завершения.

Так, изложенная в указанном письме концепция коллективной монографии «Великая французская революция и Европа» в значительной степени совпадает с концепцией трехтомного труда «Великая французская буржуазная революция XVIII века», над которым в 60-е годы работал тот же сектор под руководством Б. Ф. Поршнева. Разница между проектами двух этих изданий состоит лишь в том, что более раннее должно было охватывать весь мир, тогда как более позднее – только Старый Свет. В 1962–1964 гг. коллектив сектора провел довольно большую предварительную работу по подготовке указанного трехтомного труда, который должен был выходить в 1966–1968 гг. по тому в год. Однако затем из-за конфликта с рядом ведущих сотрудников сектора Б. Ф. Поршневу уступил пост заведующего А. З. Манфреду, после чего проект был остановлен¹¹. Тем не менее, все подготовленные материалы остались в архиве сектора, и, судя по тому, что предлагал Е. Б. Черняк, должны были лечь в основу нового труда.

¹¹ Подробнее об этом интереснейшем проекте, который, безусловно, заслуживает также отдельного исследования см.: *Бовыкин Д. Ю.* Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов, 2007. С. 69–70.

С «капитальным научным изданием документов по истории революционной эпохи» дело обстояло и того проще. Отбор и комментирование соответствующих документов были осуществлены еще в конце 1930-х – начале 1940-х гг. коллективом исследователей под руководством академиков В. П. Волгина, Е. В. Тарле и В. И. Пичеты, однако из-за начала войны публикация не состоялась и подготовленные материалы осели в академических архивах. Позднее часть их – за 1789 г. – будет, после сверки и обновления комментариев, все же издана к 200-летию Революции под редакцией А. Л. Нарочницкого, Е. Б. Черняка и В. В. Рогинского¹².

Таким образом, выходя с предложением программы научных мероприятий в честь 200-летия Французской революции, Е. Б. Черняк, очевидно, рассчитывал на уже имеющийся у сектора задел исследований по теме. Однако он считал также нужным заранее оговорить те трудности, которые могут осложнить выполнение заявленной программы: «немногочисленность кадров высококвалифицированных специалистов по данной тематике, а также ограниченный для нас по ряду причин доступ к материалам французских архивов». Собственно, в этой короткой фразе и сформулирована главная проблема, без решения которой все остальное оказывалось лишь благими пожеланиями. Если не хватает кадров, никакой задел, сколь бы ни был он значителен, не может быть реализован. А без доступа к французским архивам по такой «объективной причине», как «железный занавес», не стоит и мечтать о том, чтобы «внести серьезный вклад в современную историографию», не говоря уже о том, чтобы «дать достаточно обоснованный ответ на вопросы, выдвигаемые в центр идеологической борьбы в новейшей историографии». Даже если отправиться в командировку за вдохновением на родину Кафки в Прагу.

Такая же система аргументации воспроизводится и в письме З. В. Удальцовой первому заместителю заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладину (док. 2). Только теперь «торг» идет на более высоком уровне – между дирекцией института и партийно-государственным руководством. Однако доводы те же: чрезвычайная идеологическая важность темы Французской революции, «долг советской науки принять самое активное участие в этом идеологическом противоборстве», просьба о предоставлении различного рода научных благ и заведомо невыполнимое обещание создать «фундаментальные труды, по своему уровню (в том числе источниковой базе) отвечающие высоким современным исследовательским стандартам», чтобы «дать обоснованный ответ на вопросы, выдвигаемые в центр идеологической борьбы в новейшей историографии». Невыполнимое все по той же причине – из-за «немногочисленности наших кадров высококвалифицированных специалистов по данной тематике и ограниченного по ряду объективных причин доступа к материалу французских архивов».

Однако на деле ситуация оказалась еще сложнее, чем выглядела вначале. Год спустя Е. Б. Черняк подает новую докладную в Дирекцию, где признает невозможность создания заявленного ранее «фундаментального» коллективного труда, поскольку «наши немногочисленные специалисты по эпохе Великой французской революции в ближайшие годы будут крайне загружены авторской и редакторской работой по многотомной “Истории Европы”» (док. 3). Аргумент, мягко говоря, недостаточно убедительный. Конкретно историей Французской революции занимались в ИВИ тогда, пожалуй, только В. М. Далин, Г. С. Чертко-

---

¹² Международные отношения в начальный период Великой французской революции (1789). М., 1989. О предыстории этого издания см.: С. 5.

ва и Е. В. Киселева. Именно усилиями этой небольшой, но весьма эффективно работавшей команды в том же, 1982 г., был завершён грандиозный труд издания сочинений Гракха Бабефа¹³. Что же касается их коллег, то даже те из них, кто ранее имел исследования о Революции, как, например, Г. С. Кучеренко, в тот момент эту тематику уже не разрабатывали. Из названных же трёх специалистов по Французской революции автором «Истории Европы» была лишь Е. В. Киселева, написавшая главу для пятого тома, который, в конечном счёте, увидел свет в 2000 г. Но даже если бы вообще никто из них не был занят в этом проекте, создать имевшимися в Институте на тот момент немногочисленными научными силами «обобщающий фундаментальный труд» по Французской революции было просто невозможно.

Возникла не слишком приятная ситуация: сначала руководство сектора объясняло дирекции института, а та, в свою очередь, докладывала в ЦК, какой важной идеологической твердыней является историография Французской революции, а когда, наконец, всех и вправду удалось в том убедить, оказалось, что для защиты этой «крепости» нет ни бойцов, ни средств. И вот тогда-то, выражаясь образно, и появилась идея выкатить на крепостные стены «царь-пушку» из музея или, говоря обычным языком, переиздать канонический для советской историографии труд «Французская буржуазная революция 1789–1794», который впервые увидел свет ещё в 1941 г.

Идея выглядела, по меньшей мере, странной: уже к середине 60-х годов «кирпич», как его называли между собой историки Революции за объём и тяжесть, считался в научном плане устаревшим, почему и возникла тогда идея выпустить упоминавшийся выше трехтомный труд. Однако, судя по всему, выбирать руководству сектора было просто не из чего, и Е. Б. Черняк внес в дирекцию соответствующее предложение, сопроводив его подробной аргументацией: «С выходом в свет переработанного издания “Французская буржуазная революция 1789–1794” читатель получит капитальный марксистский труд, отражающий современный мировой уровень истории революции. Вместе с тем в этот труд войдут главы, написанные плеядой крупных советских ученых Е. В. Тарле, В. П. Волгиным, Ф. В. Потемкиным и другими» (док. 3).

Каким образом сочинение, выпущенное в 1941 г., даже если дополнить и переписать его отдельные главы, может «отражать современный мировой уровень истории» в 1980-е годы, тем более в такой интенсивно развивающейся области исторической науки, как изучение Французской революции, понять трудно. Разве что, если встать на принятую советской историографией ещё в 20-е годы точку зрения о том, что *марксистская* наука априори является самой передовой уже в силу самой своей методологии¹⁴.

Что же касается «глав, написанных плеядой крупных советских ученых», то перу Ф. В. Потемкина, действительно, принадлежал ряд таковых. Вклад же Е. В. Тарле в данное издание ограничивался лишь третьим разделом шестой главы – «Французская революция и Англия». В. П. Волгин вообще не написал туда не строки.

Возможно, ощущая шаткость своей аргументации, Е. Б. Черняк для придания большей весомости заявке на переиздание «кирпича» приложил к ней протокол обсуждения данной идеи со специалистами по истории Французской революции (док. 4). Разумеется, этот документ не является стенограммой и не даёт пред-

¹³ *Бабеф Г.* Сочинения в четырех томах. М., 1975–1982.

¹⁴ Подробнее см.: *Гордон А. В.* Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов, 2005. С. 35 и далее.

ставления о самом ходе дискуссии, однако даже в нем отразились сомнения в целесообразности осуществления подобного проекта, высказанные, по крайней мере, А. В. Адо и Г. С. Чертковой, которые хотя его и поддержали, но с существенными оговорками.

Впрочем, как мы сегодня знаем, эта странная идея не получила продолжения и «царь-пушка» так и осталась на своем месте в «музее», где ей собственно и надлежало быть. Тем не менее, само по себе появление подобного проекта свидетельствует о том глубоком кризисе, в котором находилась советская академическая историография Французской революции в начале 80-х: полученный ею социальный заказ «сверху» на обеспечение научной стороны программы юбилейных мероприятий продемонстрировал как отсутствие у нее новых идей, так и дефицит квалифицированных кадров.

Активизация в нашей стране исследований по указанной тематике начнется только с середины 1980-х, когда в историографию Французской революции придут новые люди, большинство из которых составят ученики А. В. Адо и Г. С. Кучеренко, воспитывавшиеся, в отличие от коллег старшего поколения, уже не только на марксистском каноне, а на гораздо более широком круге идей, представленных в мировой научной литературе.

Смена исследовательских парадигм в отечественной историографии Французской революции не сопровождалась «дракой на межах» хотя бы уже потому, что «делянка» марксистско-ленинской науки находилась к тому времени уже в довольно запущенном состоянии. Желающих охранять ограждающие ее «вехи» не нашлось, и тем, кто пришел на это поле, оставалось только взять эти вехи и спокойно перенести на другое место.

* * *

№ 1. Е. Б. Черняк – З. В. Удальцовой¹⁵, 18 ноября 1981 г.

Глубокоуважаемая Зинаида Владимировна!

В связи с исполняющимся в 1989 г. двухсотлетием Великой французской революции президент Франции Ф. Миттеран 25 сентября с.г. объявил о необходимости развернуть широкую подготовку к празднованию этого юбилея. Несомненно, что наряду с такими мероприятиями как организация в Париже в юбилейный год Всемирной выставки, эта подготовка будет включать также издания трудов, посвященных различным проблемам истории революции, что не может не вызвать усиление и без того острой идеологической борьбы в новейшей историографии вокруг интерпретации основных вопросов истории Франции и Европы в революционные годы. Советские историки не должны остаться в стороне от этой борьбы, имеющей серьезное политическое значение. Вместе с тем эффективное участие в ней возможно лишь на основе создания фундаментальных исследований по указанной проблематике. Работа над ними, их опубликование (не только на русском, но и на французском языке) потребует значительного времени и ее следует начинать без всякого промедления. Надо принять во внимание немногочисленность кадров высококвалифицированных специалистов по данной тематике, а также ограниченный для нас по ряду причин доступ к материалам

---

¹⁵ Ефим Борисович Черняк (р. 1924), доктор исторических наук, в тот момент – заведующий сектором новой истории стран Западной Европы; Зинаида Владимировна Удальцова (1918–1987), член-корреспондент АН СССР, специалист по истории Византии в тот момент – директор Института всеобщей истории АН СССР (далее – ИВИ).

французских архивов. Профиль основного коллективного труда, который было бы целесообразно подготовить к 200-летию революции, надо определить с полным учетом указанных объективных условий.

Представляется, что таким капитальным исследованием, созданием которого советские ученые могли бы внести серьезный вклад в современную историографию, мог бы стать коллективный труд на тему «Великая французская революция и Европа». Выбор этой темы диктуется несколькими вескими доводами научного и политического характера:

1. Научной значимостью темы, раскрытие которой позволит утвердить марксистское понимание истории великой революции. Для этого надо понять тему, не как изложение откликов на революцию, а как раскрытие впервые в историографии международных причин, международных условий и международных последствий революции в сфере экономики, политики, идеологии, и особо – межгосударственных отношений.

2. При подготовке указанного труда можно будет широко использовать специалистов не только по истории Франции, но и других регионов Европы и Америки (как советских ученых, так и их коллег-историков из социалистических стран).

3. Круг проблем, которые предполагается рассматривать в этом труде связан с ориентацией на архивы и книгохранилища Советского Союза и других социалистических стран.

4. Тема намечаемого труда позволяет включить в него освещение нескольких основных проблем истории Франции XVIII и начала XIX века, по которым имеются новые монографические исследования советских ученых и по которым они в состоянии сказать новое слово в науке (история Просвещения, крестьянских движений и др.).

5. Созданием проектируемого труда советские ученые смогут дать достаточно обоснованный ответ на вопросы, выдвигаемые в центр идеологической борьбы в новейшей историографии (проблема буржуазного характера революций нового времени, последствий революции для страны, где она происходила, и для истории европейского континента в целом и др.).

Результаты работы над темой должны быть в суммарной форме изложены в соответствующем томе «Истории Европы», что по сути дела определит научный уровень этого тома.

В случае одобрения Дирекцией идеи создания коллективного труда по истории революции, видимо, следует образовать редколлегия или рабочую группу (с включением в нее специалистов из МГУ) для подготовки плана-проспекта. Надо уже сейчас приступить к работе библиографического характера для выявления всего круга доступных источников, включив ее в план научной работы Института всеобщей истории на 1982 г.

7. Наряду с подготовкой вышеназванного коллективного труда целесообразно было бы обдумать вопрос об издании серии индивидуальных монографий по истории Великой французской революции, включив в нее в переработанном и дополненном виде и отдельные ранее публиковавшиеся труды крупных советских ученых.

8. Желательно совместно с Главным архивным управлением подготовить капитальное научное издание документов по истории революционной эпохи («Изменение системы международных отношений в эпоху Великой французской революции» и др.).

9. Было бы важно в плане научных командировок Института всеобщей истории учитывать необходимость работы сотрудников сектора новой истории

стран Западной Европы, которые будут участвовать в проектируемом коллективном труде, в архивах и библиотеках ГДР, Венгрии, Чехословакии и других социалистических стран. Без таких командировок возможность подготовки этого труда на уровне, соответствующем исследованию проблем Великой французской революции в современной историографии становится весьма проблематичной.

10. Поскольку подготовка к юбилею Великой французской революции примет широкие масштабы, было бы желательным поставить вопрос перед Отделением истории, Президиумом АН СССР и другими компетентными органами о создании авторитетной комиссии в составе представителей заинтересованных учреждений (научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, издательств) для руководства и координации всех видов работы, связанной с этой подготовкой.

Зав. сектором новой истории стран Западной Европы,
доктор исторических наук
Е. Б. ЧЕРНЯК
18 ноября 1981 г.

№ 2. З. В. Удальцова – В. В. Загладину¹⁶, [конец 1981 г.]

Глубокоуважаемый Вадим Валентинович!

Мне хотелось бы высказать Вам в предварительном порядке несколько мыслей в связи с исполняющейся в 1989 г. двухсотлетней годовщиной Великой французской буржуазной революции, которая явно станет событием большого общественно-политического значения. Празднование этой годовщины несомненно послужит стимулом для резкого усиления и без того острой идеологической борьбы вокруг истолкования основных вопросов истории Франции и Европы в годы революции, которое новейшая буржуазная историография настойчиво стремится превратить в спор об основах материалистического понимания истории, о роли социальных революций в развитии общества. Долг советской науки принять самое активное участие в этом идеологическом противоборстве, которое возможно прежде всего созданием фундаментальных трудов, по своему уровню (в том числе источниковой базе) отвечающих высоким современным исследовательским стандартам. Работа над ними и их опубликование не только на русском, но и – по крайней мере, некоторых из них – также на французском языке, требует значительного времени, и поэтому следует приступить к этой работе без всякого отлагательства. Полезно было бы уже сейчас наметить также пути нашего сотрудничества с французскими учеными в рамках планируемых официальными инстанциями во Франции приготовлений к торжествам 1989 г., в том числе участия во Всемирной выставке в Париже.

Учитывая важность и масштабы предстоящей подготовки к юбилею, было бы целесообразно создать для координации и руководства всей работой в этой области авторитетную комиссию в составе представителей заинтересованных научно-исследовательских учреждений и ведомств.

План научных изданий к юбилею должен, на наш взгляд, включать:

1. Фундаментальный коллективный труд, подготовку которого следует возложить на Институт всеобщей истории АН СССР. Профиль этого труда надо оп-

---

¹⁶ Вадим Валентинович Загладин (1927–2006), партийный и государственный деятель СССР, в тот момент – первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, член ЦК КПСС, главный редактор «Французского ежегодника».

ределить, трезво взвешивая имеющиеся реальные возможности, связанные с многочисленностью наших кадров высококвалифицированных специалистов по данной тематике и ограниченным по ряду объективных причин доступом к материалу французских архивов.

Представляется, что в наших условиях исследованием, созданием которого советские ученые могли бы внести серьезный вклад в современную историографию, мог бы быть труд на тему «Великая французская революция и Европа». Выбор указанной темы диктуется несколькими вескими доводами научного и политического характера: а) Научной значимостью темы, раскрытие которой позволит утвердить марксистское понимание истории великой революции. Для этого надо понять эту тему не как изложение откликов на революционные события во Франции, а как раскрытие впервые в историографии международных причин, международных условий и международных результатов революции в сфере экономики, идеологии, политики (особенно международных отношений). Проектируемым трудом советские ученые смогут дать обоснованный ответ на вопросы, выдвигаемые в центр идеологической борьбы в новейшей историографии (проблема буржуазного характера революций нового времени, так называемой «цены революции» и ее последствий для страны, где она проходила и для истории европейского континента в целом и др.); б) При подготовке упомянутого труда можно будет широко использовать специалистов не только по истории Франции, но и других регионов Европы и Америки (как советских ученых, так и их коллег-историков из социалистических стран); в) Круг вопросов, которые предполагается рассматривать в проектируемом труде связан с ориентацией на архивы и книгохранилища Советского Союза и других социалистических стран; г) Тема намечаемого труда позволяет включить в него освещение нескольких основных проблем истории Франции XVIII и начала XIX века, по которым имеются новые монографические исследования советских ученых и по которым они в состоянии сказать новое слово в науке (история Просвещения, крестьянских движений и др.); д) Результаты работы над темой будут в суммарной форме изложены в «Истории Европы», что не может не повысить научное значение этого многотомного издания.

Учитывая вышеизложенное, желательно было бы образовать редколлегию или рабочую группу для подготовки плана-проспекта этого труда. Надо уже с начала 1982 г. развернуть работу библиографического характера для выявления круга доступных источников в книгохранилищах СССР и ряда социалистических стран (ГДР, ЧССР, ВНР).

II. Серию индивидуальных монографий по истории Великой французской революции. В эту серию должны войти в переработанном виде и особо значительные опубликованные за последние десятилетия труды видных советских ученых. При этом было бы важно оговорить возможность того, что объем отдельных исследований будет превышать 20 авторских листов (т.е. принятый в настоящее время максимальный размер для исторических монографий).

III. Документальные публикации: «Изменение системы международных отношений в эпоху Великой французской революции» и др. (на основе фондов Архива внешней политики России и других архивов).

С уважением,
Член-корреспондент АН СССР
З. В. Удальцова

№ 3. Докладная Е. Б. Черняка в дирекцию ИВИ АН СССР, 1982 г.

В связи с предстоящим празднованием 200-летия Великой французской революции Дирекцией института было принято в принципе решение подготовить к юбилею ряд научных изданий, включая коллективный труд по истории революции. Сектором новой истории стран Западной Европы был определен в общих чертах профиль такого труда. Однако к настоящему времени выяснилось, что наши немногочисленные специалисты по эпохе Великой французской революции в ближайшие годы будут крайне загружены авторской и редакторской работой по многотомной «Истории Европы». Учитывая это, можно было бы планировать лишь подготовку сборника статей, в котором рассматривались бы в исследовательском плане некоторые из проблем истории революции. Между тем, совершенно очевидно, что ощущается потребность прежде всего в обобщающем фундаментальном труде. Указанные соображения привели сектор к выводу о целесообразности публикации нового расширенного и переработанного издания капитального труда «Французская буржуазная революция 1789–1794», вышедшего под редакцией академиков В. П. Волгина и Е. В. Тарле в 1941 г. и давно уже ставшего библиографической редкостью. Многие разделы упомянутого труда вполне сохранили свое научное значение, и в отношении их будет достаточно ограничиться небольшими добавлениями и уточнениями. Другие главы требуют сравнительно большей доработки. Отдельные разделы необходимо написать заново – они либо вообще отсутствуют, либо сильно устарели. Это относится к проблематике, которая должна была по прежнему плану сектора составить содержание сборника статей (движения крестьянства и городского плебейства, развитие общественной мысли в эпоху революции, история Франции от 9 термидора до 18 брюмера, Великая французская революция и Европа, новейшая зарубежная историография революции и др.). Обновление и расширение тематики тома приведет к увеличению его объема примерно на 30–40 а. л. и он достигнет 120 а. л.

С выходом в свет переработанного издания «Французская буржуазная революция 1789–1794» читатель получит капитальный марксистский труд, отражающий современный мировой уровень истории революции. Вместе с тем в этот труд войдут главы, написанные плеядой крупных советских ученых Е. В. Тарле, В. П. Волгиным, Ф. В. Потемкиным и другими.

Проведенное в секторе совещание специалистов по истории Великой французской революции, на котором присутствовал и представитель кафедры новой и новейшей истории МГУ профессор А. В. Адо, привело к единодушному заключению о желательности и осуществимости подготовки такого труда, хотя она и потребует очень большого напряжения сил и помощи сектору со стороны Дирекции института.

В случае одобрения дирекцией предложения о новом издании коллективного труда по истории Великой французской революции представляется полезным первоначально образовать при секторе новой истории стран Западной Европы рабочую группу (рабочую редколлегия) в состав которой можно было бы ввести В. М. Далина, А. В. Адо, Е. Б. Черняка, Г. С. Кучеренко, Г. С. Черткову, Е. В. Киселеву.

Зав. сектором новой истории стран Западной Европы,
доктор исторических наук
Е. Б. Черняк
«...» _____ 1982 г.

№ 4. Протокол заседания рабочей группы по изданию юбилейного труда по истории Великой французской революции от 22 сентября 1982 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Е. Б. Черняк, А. В. Адо, Г. С. Кучеренко, Г. С. Черткова, Е. В. Киселева, А. С. Намазова¹⁷.

Е. Б. ЧЕРНЯК: К юбилею Французской революции может быть подготовлен новый труд, основой которого послужит изданный в 1941 г. том под редакцией В. П. Волгина и Е. В. Тарле. В таком случае предстоит, с одной стороны, несколько модернизировать существующий текст старого тома, с другой стороны, написать новые главы по тем проблемам, по которым советские историки в состоянии сейчас сказать новое слово. Это история массовых движений, и прежде всего крестьянства, история общественной мысли, система международных отношений во время революции. Необходимо будет дописать историю революции от термидора до брюмера 1799 г. Новое издание, следовательно, должно будет состоять из двух томов. В старом томе совершенно не было аппарата. Нам необходимо решить вопрос о том, будет ли аппарат в новом томе.

А. В. АДО: Идея принятия за основу юбилейного издания старого тома о Французской революции заманчива. Существующая книга написана хорошо, добротна, она концепционно выдержанна. Но в чем-то этот том архаичен, встречаются устаревшие характеристики. Необходимо будет некоторое вмешательство в текст, изменение акцентов. У старого тома совершенно «нет опоры» – не освещены предпосылки революции. В этой книге соблюдается событийно-описательная структура. Многие вопросы – культура, быт, нравы эпохи революции и сейчас звучат современно. Но вопрос о конституциональном творчестве революции освещен недостаточно. Она заложила основы буржуазного государства, торгово-промышленного законодательства и т.д. Необходим учет новых подходов к истории Французской революции, разработанных современной историографией.

Надо будет обновить библиографию, которая очень хорошо составлена в старом издании. Конечно, юбилейное издание должно выходить в двух томах, поскольку очень многие проблемы надо будет освещать заново – это потребует места.

Для начала необходимо написать подробный проспект издания.

Г. С. КУЧЕРЕНКО: поддержал идею создания нового труда на основе имеющегося тома. Для работы над новой книгой необходимо создать рабочую группу.

А. С. НАМАЗОВА: Также считает, что основой юбилейного труда о Французской революции может быть издание под редакцией В. П. Волгина и Е. В. Тарле.

Г. С. ЧЕРТКОВА: Такое издание на основе имеющейся книги возможно. Но оно потребует довольно большой дополнительной работы, как по модернизации старого текста, так и по написанию новых глав. Эту работу могло бы облегчить привлечение специалистов, работающих за пределами Института, на договорных

---

¹⁷ Анатолий Васильевич Адо (1928-1995), доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета, специалист по истории Французской революции XVIII в.; остальные – сотрудники ИВИ: Геннадий Семенович Кучеренко (1932–1997), доктор исторических наук, специалист по истории общественной мысли Франции и Англии нового времени; Галина Сергеевна Черткова (1938–2001) и Елена Васильевна Киселева, кандидаты исторических наук, специалисты по истории Французской революции XVIII в., Алла Сергеевна Намазова, тогда – кандидат исторических наук, специалист по истории Бельгии.

началах. Объем планируемого издания должен быть значительно больше имеющегося старого. Рассказала о попытках поиска аппарата старого тома.

Е. В. КИСЕЛЕВА; Поддержала мысль о переработке издания 1941 г. Остановилась на вопросе освещения вопроса о якобинской диктатуре: здесь необходимо некоторая перестановка акцентов.

№ 5. Ю. И. Рубинский – С. В. Червоненко, 1 ноября 1983 г.¹⁸
Париж, 1 ноября 1983 года

Дорогой Степан Васильевич,

<...>

Теперь несколько слов насчет 200-летней годовщины Великой Французской буржуазной революции. Поначалу Миттеран задумал провести этот юбилей с большой помпой, приурочил к нему Всемирную выставку в Париже в 1989 г., подобно тому, как это было 100 лет назад в 1889 году, когда праздновалось столетие революции (от той выставки осталась в частности Эйфелева башня). Однако, как вы наверное знаете, весь этот амбициозный план вылетел в трубу. Расходы на материальное обеспечение всемирной выставки, где ожидалось 50–60 млн посетителей, оказались такими колоссальными, что как правительство, так и мэрия Парижа испугались и решили отказаться от этой затеи, попытавшись, как обычно здесь бывает, свалить ответственность друг на друга. Франция официально сняла кандидатуру Парижа в оргкомитете всемирных выставок, причем моральные издержки, судя по всему, больше всего понес Ширак. Но это уже детали.

Тем не менее, отказавшись от Всемирной выставки, Миттеран все же продолжает подготовку к празднованию 200-летнего юбилея Великой Французской революции. Хотя в 1989 году наверняка он сам уже не будет у власти (может быть, именно поэтому), президент явно хочет авансом превратить данное мероприятие в крупную пропагандистско-политическую акцию, работающую на социальную партию. С этой целью Совмин принял решение продолжать строительство в Париже ряда престижных объектов, первоначально входивших в программу подготовки Всемирной выставки и намеченных к торжественному открытию в 1989 году (в том числе, например, современного оперного театра на площади Бастилии).

Тем временем идеологическая схватка вокруг оценки Великой Французской революции уже развернулась полным ходом. Как это всегда бывало, речь идет не просто об историческом или научном споре: данная полемика целиком вписывается в противоборство между левыми и правыми лагерями во Франции и в более широкий контекст резко обострившейся конфронтации идей в мировом масштабе.

В лагере правой оппозиции четко просматриваются два течения. Одно, оголтело реакционное, прямо заявляет, что Великая Французская революция была не нужна и, более того, вредна, ибо она-де вызвала серию войн, обескровивших Францию и затормозивших ее экономическое развитие по сравнению с Англией на целое столетие. При этом недвусмысленно перебрасывается мост в наше вре-

---

¹⁸ Юрий Ильич Рубинский (р. 1930), доктор исторических наук, специалист по французской истории, в 1978–1985 гг. – советник посольства СССР во Франции; Степан Васильевич Червоненко (1915–2003), советский партийный и государственный деятель, в 1973–1982 гг. чрезвычайный и полномочный посол СССР во Франции, в 1982–1988 гг. заведующий Отделом зарубежных кадров и зарубежных выездов ЦК КПСС, член ЦК КПСС. Основной текст письма напечатан на машинке, постскриптум написан от руки. В начале текста опущены два абзаца с поздравлениями по случаю октябрьских праздников.

мя – якобинская диктатура изображается в виде царства террора, послужившего образцом для «большевистского гулага». Примером может служить прилагаемая статья академика Тьерри Мольнье, старого роялиста, бывшего деятеля монархической лиги «Аксьон франсэз» (служившей во время II мировой войны Петэну) в «Фигаро» от 3 июля с.г.

Другое, несколько более гибкое течение представлено близким к Шираку «Клубом 89», председателем которого является депутат М. Орийяк, а генсеком – одним из ближайших советников председателя ОНР А. Жюппе. В своих публикациях клуб проводит мысль о том, что стержневой идеей Великой Французской революции был лозунг «свободы», пришедшей, дескать, в непримиримое противоречие с лозунгом «равенства», особенно с того момента, когда он-де начал навязываться силой с помощью централизованной бюрократической машины государства. Поэтому, утверждают шираковцы (целиком позаимствовавшие свою нынешнюю «антиэтатистскую» демагогию у Рейгана), подлинными наследниками Великой Французской революции являются-де не левые, а правые, борющиеся за свертывание вмешательства государства в жизнь французского общества.

Что же касается левых, то и они далеко не единодушны. «Умеренное» крыло университетской интеллигенции, вроде Ф. Фюре или М. Озуф (чьи статьи я посылаю Вам) пытаются развенчать наиболее радикальные аспекты революционного наследия, растащить его на отдельные периоды, события, идеи, противопоставить их друг другу – опять же с явным прицелом на дискредитацию марксизма-ленинизма и реального социализма. В том же духе выдержаны исторические пьесы и фильмы, вроде «Дантона», «Дантона и Робеспьера» и т.п. Другое, формально более «левое» крыло соцпартии, прежде всего председатель Национального собрания Л. Мермаз (по профессии – учитель истории) на словах защищает наследие Великой Французской революции как единого целого, из которого нельзя выбросить ничего. Но и оно, естественно, рассматривает его как нечто противоположное Октябрю.

Наконец, коммунисты со своей стороны тоже по-своему готовятся к юбилею, уже сейчас мобилизовав близких к ФКП историков для подготовки соответствующих работ. В прямой связи с их нынешней тактикой – союза левых сил – они направляют острие своей критики против крайне правых: так, например, отмена Всемирной выставки была расценена ими как отражение страха и ненависти реакции (олицетворяемой Шираком) к памяти революции.

Вот, вкратце, все, что я смог за несколько дней найти в связи с Вашим поручением, которые, как всегда, мне просто приятно выполнять. Книгу об истории СССР с участием Солженицына я пока не нашел, но обязательно постараюсь отыскать.

Горячий привет Людмиле Сергеевне¹⁹, с наилучшими пожеланиями,

Ю. РУБИНСКИЙ

P. S.

Степан Васильевич,

Только сейчас я сообразил, что Вы, возможно, ожидаете от меня не только характеристики положения дел с празднованием юбилея Великой Французской буржуазной революции во Франции, но также конкретных соображений насчет нашей линии поведения.

¹⁹ Людмила Сергеевна Чиколени (1917–2003), жена С. В. Червоненко, доктор исторических наук, специалист по истории итальянского Возрождения, в тот момент – заведующая сектором истории общественной мысли Института всеобщей истории АН СССР.

Дело в том, что я не особенно ясно представляю себе, кто именно и как занимается этой тематикой в Институте всеобщей истории АН СССР после смерти А. З. Манфреда. Во всяком случае совершенно очевидно, что такие люди есть (хотя бы старик Далин). Мне кажется, что имело бы смысл уже сейчас обсудить эту важную проблему – не только научную, но и идейно-политическую – на специальных заседаниях дирекции и Ученого Совета Института всеобщей истории, Отделения истории АН СССР, а затем выйти с развернутыми предложениями в Инстанцию, где могло бы состояться соответствующее решение. В такое решение можно было бы включить не только сугубо отечественные мероприятия (монографии, особенно коллективные, научные сессии, конференции, заседания и т.п.), но и международные, особенно советско-французские. В случае соответствующего положительного мнения можно было бы поручить посольству заняться установлением необходимых контактов. Во всяком случае, я уверен, что З. В. Удальцова и С. Л. Тихвинский²⁰ активно поддержат такие начинания.

Ю. Рубинский

---

²⁰ Сергей Леонидович Тихвинский (р. 1918), академик АН СССР / РАН, с 1980 г. председатель Национального комитета историков СССР / России.